

Екатерина Ефимова
Войну я встретила подростком¹

Хиония Николаевна Краскина — блокадный ребенок. Невзирая на страшные воспоминания, связанные у нее с детством и родным Ленинградом, она — очень светлый, жизнерадостный человек. И — счастливый человек.

Фотографии из семейного альбома. На них Хиония Николаевна и ее супруг смотрят друг на друга с такой любовью, и глаза их светятся...

Свои впечатления от пережитого в годы блокады Хиония Николаевна наиболее точно передает с помощью стихотворных текстов. Это и белые стихи, и верлибры, и ритмические стихотворения. Они разные, но их объединяют искренность и образность — и мы словно видим то, что пережила Хиония Николаевна, и то, о чем она так не любит вспоминать сейчас...

Так получилось, что на моей судьбе, как и на судьбах всех представительниц моего поколения, отразились события, произошедшие в нашей стране в середине прошлого века.

Мои детские и подростковые годы прошли в напряженной атмосфере репрессий тридцатых годов, затем — войны и ленинградской блокады...

Мне посчастливилось родиться и вырасти в центре Ленинграда, на Невском проспекте, напротив Казанского собора. Своей колоннадой собор как бы обнимал улицу Софьи Перовской (Малую Конюшенную) — мою родную улицу, а «всевидящее око» на фронтоне собора было обращено к Невскому и нашей квартире.

Во внутреннем дворе дома находилась церковь Св. Петра и Павла с коленопреклоненным ангелом между звонниц, школа №222 — одна из первых в Петербурге гимназий, недавно справившая свое трехсотлетие и

носящая название «Петершуле». Вокруг — лепные украшения, колонны, фризы, решетки... Эту красоту я привыкла видеть с детства.

Войну я встретила подростком. Память о страшных днях и ночах войны и блокады для меня мучительна.

Однажды я опять увидела синюю надпись на стене дома на Невском проспекте, недалеко от моего дома, где я жила в годы блокады: «Во время артобстрела эта сторона улицы наиболее опасна». Рядом у стены лежали свежие цветы. Я с трудом сдержала слезы. Мне показалось, что эти цветы положены на мою могилу, так тяжелы были воспоминания о блокаде.

И до сих пор не верится, что мои родные женщины, с которыми я жила в одной квартире, в то страшное время сумели сберечь и спасти меня.

Отец

*В старых сказках говорится
Про летающий ковер.
Этот образ часто снится
Нашим детям до сих пор.*

*Но мне в ту лухую войну
Не снился ковер-самолет:
Пришлось увидеть наяву
Фашистский ковровый налет.*

Сентябрь. Сорок первый год.
Родной мой дом на Невском.
Семь вечера. И пунктуально, как вчера,
Воздушную тревогу объявили.

Мы с папой не успели добежать
До нашего убежища в соседнем доме.
Стоим вдвоем в парадной, у дверей,
И держим за руки друг друга крепко.

Ладошка — в ладони.
Плечо — к бедру.

Вы знаете, как «Юнкерсы» надрывно воют,
Когда идут в пике, чтоб поточнее сбросить
Свой смертоносный груз?
А заодно и бочки с дырявыми боками.

¹ Воспоминания блокадницы записаны и подготовлены к печати Екатериной Ефимовой.

Они особенно противно «пели»,
Закручивая в узел все, что есть
Внутри у человека.

Вокруг — свист бомб, удар о землю
И сотрясение стен и пола.
Но это — рядом; дом наш цел.
И живы мы, ждем окончания тревоги.
Отбоя нет, не слышно горна,
Напрасны наши ожидания:
Пришла волна вторая самолетов —
И началось все заново...

Я не считала, сколько было волн в ту ночь.
Тревогу отменили лишь под утро.
В момент затишья успели мы
Добраться до подвала,
И там закончили бессонницу ночную.

Отец скончался в декабре
От старой неизлеченной болезни.
Лишилась я мужской поддержки,
Отцовского совета.
Всю жизнь со мною рядом шло
Печальное словечко: «безотцовщина».
Но вспоминаю:

Ладонка — в ладони,
Плечо — к бедру.

(От себя добавляю: «Я тебя сберегу»...)

Май сорок второго

Лебеда, ты, лебеда
Наше ты спасение,
Но найти тебя весной –
Трудное везение.

Мы прошли весь лесопарк —
Ни одной травинки,

Голышом лежит земля,
И пусты ложбинки.

Майский полдень светлоглаз,
Голубеет небо.
Ужин вечером у нас —
Кипяток. Без хлеба.

Ветеранам Великой Отечественной²

Из ушедших на войну 1921, 1922 и 1923 годов
рождения вернулись живыми только 3 %

Из печати

Трое — из сотни, из тысячи — тридцать...
Как же пришлось вам отчаянно биться!

Тяжкие годы нести на плечах,
Переживая и смерти, и страх,
Голод и холод, боль отступлений,
Радость и счастье победных сражений.

Кровью и потом полив шар земной,
Вы со щитом возвратились домой.

Трое — за сотню, за тысячу — тридцать,
После Победы вы стали трудиться,
Свершениями новыми мир наполняя,
Мечты и желания в жизнь претворяя.

Страну защитив, отстояв Ленинград,
В Космос ворвались, не зная преград.
И мы всегда будем вами гордиться,
Спасибо, что есть вы — и трое, и тридцать.

² Ниже приведен журнальный вариант стихотворения (редактура — отдел поэзии журнала «Аврора»).